

ИВОН И ФИНЕТТА. Бретонская сказка.

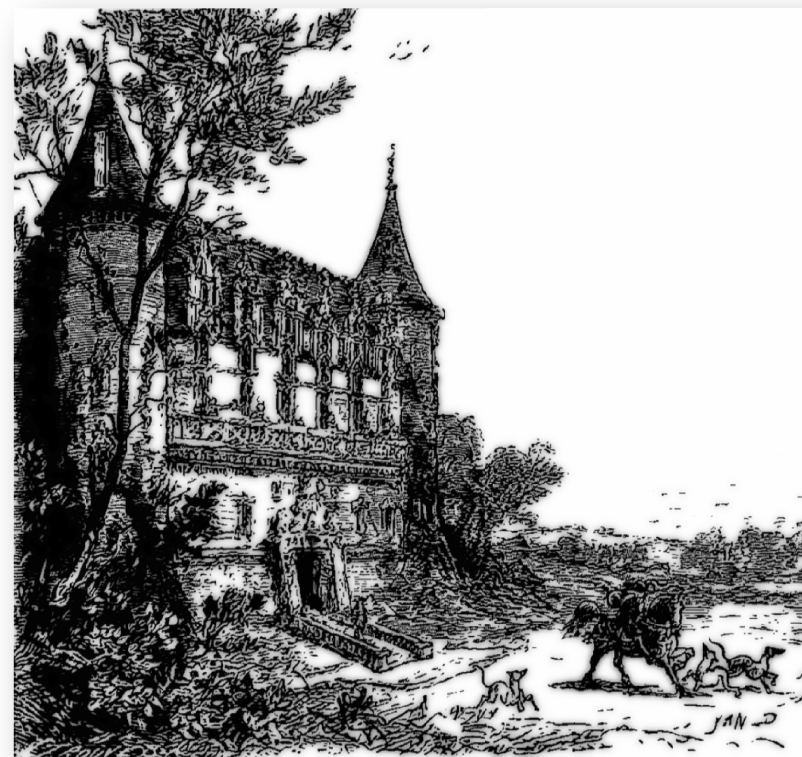
YVON ET FINETTE. CONTE BRETON.

I.

Жил некогда в Бретани благородный сеньор, барон де-Кервер. Его замок был самым красивым во всей округе. Это было

большое готическое здание со сводами, украшенными ажурными кружевами. Издали его можно было принять за большую беседку, обвитую плющом. На первом этаже расписные и разукрашенные окна выдавались вперед в виде балконов, шесть из них выходило на восток, шесть — на запад. Утром, когда барон верхом на своем любимом коне выезжал в лес, сопровождаемый борзыми, он в каждом окне приветствовал одну из своих шести дочерей, которые с молитвенниками в руках молили Бога о благоденствии рода Керверов. Глядя на их белокурые головки, голубые глаза и сложенные руки, можно было принять их за шесть мадонн в лазоревых нишах. Вечером, когда солнце садилось, и барон после объезда своих владений возвращался домой, он издали видел в окнах, выходящих на запад, шестерых своих сыновей с темными кудрями, со смелыми взорами — надежду и славу семьи. Их можно было принять за изваяния рыцарей у входа в храм. Когда на добрых десять миль в округе

нужно было найти счастливого отца и могущественного барона, друзья и недруги называли имя господина де-Кервера.

В замке было всего двенадцать окон, а детей у барона было тринадцать. Младший,

которому не доставало места, был красавец-мальчик шестнадцати лет и звали его Ивон. Как водится, он был любимцем.

Утром, при отъезде, и вечером, при возвращении, барон всегда находил на пороге замка Ивона, который ожидал отца, чтобы его обнять. Со своими русыми кудрями, ниспадавшими почти до пояса, стройным станом, бойким отважным видом, смелыми движениями Ивон был любимцем всех бретонцев.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, он храбро напал на волка и убил его топором, за это его прозвали Отважным.

Однажды, когда барон оставался дома и, развлекаясь, сражался на шпагах со своим конюшим, Ивон, в дорожном платье, вошел в оружейную палату и, преклонив колено, сказал:

— Мой государь и отец, я прошу Вашего благословения, так как покидаю Вас. Род Керверов богат рыцарями, поэтому настала моя пора искать счастья. Я отправляюсь в далекие края испытать свою силу и приобрести себе доброе имя.

— Ты прав, Отважный, — отвечал барон, взволнованный более, чем ему хотелось бы показать, — я не стану тебя удерживать, но ты еще молод, мое дитя, тебе было бы лучше остаться еще год с нами.

— Мне шестнадцать лет, отец. Ты в этом возрасте уже сразился с одним из Роганов. Я не забыл, что наш герб — единорог, пронизывающий льва, а наш девиз «Вперед!»

Я не хочу, чтобы у Керверов был повод краснеть за своего младшего члена семьи.

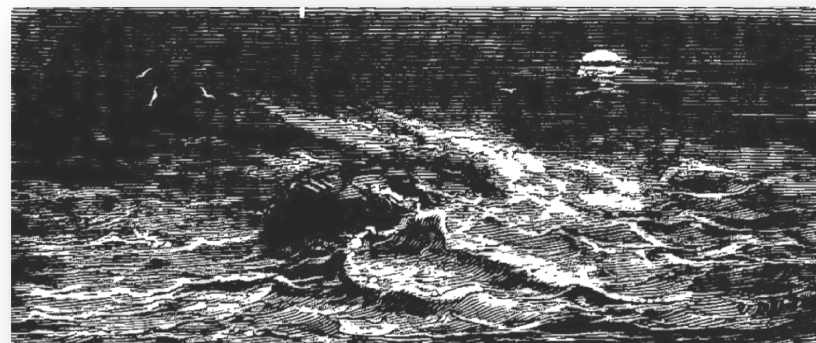

Ивон принял благословение отца, пожал руку братьям, обнял сестер, простился с рыдавшими вассалами и с легким сердцем отправился в дорогу.

Ничто не задерживало его на пути: река — он переправлялся вплавь, гора — он переходил ее, лес — он пробирался через него по солнцу. «Вперед, Керверы!» — восклицал он, когда встречал препятствие и смело преодолевал его.

Три года он странствовал по свету в поисках приключений то в роли победителя, то в роли побежденного, всегда веселый и смелый, как вдруг ему предложили идти походом на норвежских язычников. Побить неверных и покорить королевство было двойным удовольствием. Ивон выбрал себе двенадцать смелых товарищей, нанял небольшое судно и водрузил на главной мачте голубой флаг с единорогом и девизом Керверов.

Море было спокойным, ветер — благоприятным, ночи — ясными. Ивон, лежа на палубе, смотрел на звезды и искал ту, которая бросает свой мерцающий свет на отцовский замок. Вдруг судно наскочило на скалу, раздался страшный треск, мачты упали, как срубленные деревья, огромная волна обрушилась на палубу и снесла все, что было на ней.

— Вперед, Керверы! — воскликнул Ивон, как только показался на поверхности моря, и поплыл так спокойно, как будто купался во рву древнего замка.

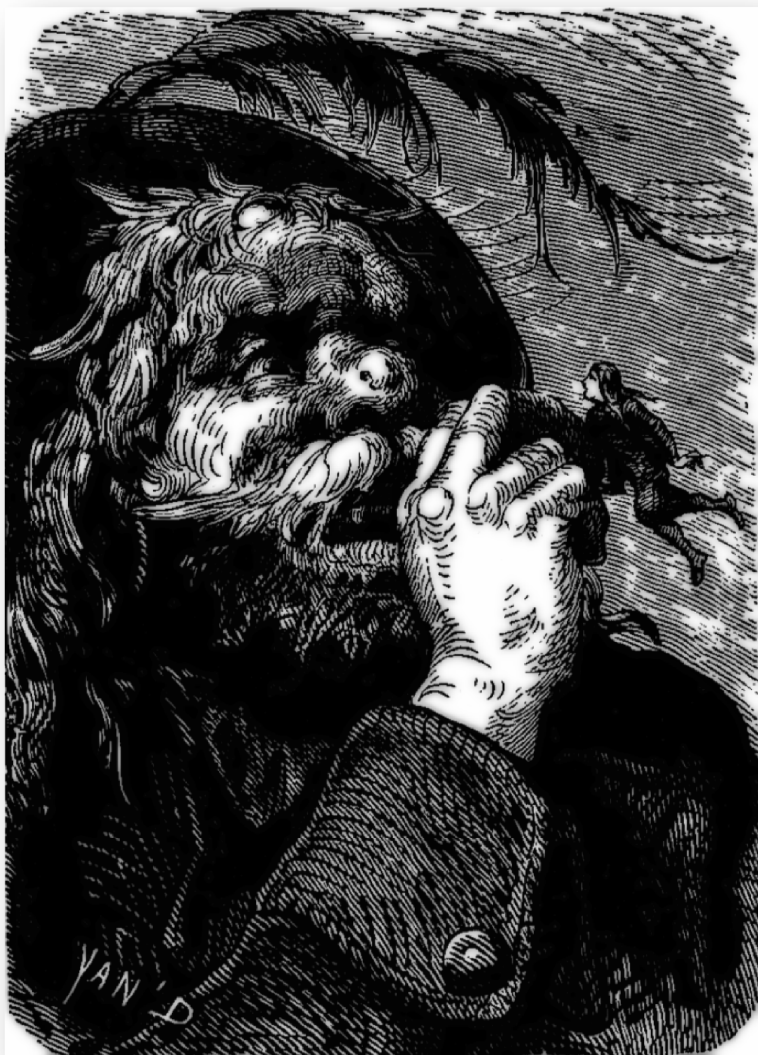

К счастью, взошла луна. Ивон заметил на некотором расстоянии темное пятно среди серебристых волн — это была земля. Он достиг ее не без усилий и вышел, наконец, на берег. Промокнув до костей, выбившись из сил, он успокоился, помолился и заснул.

II.

Проснувшись утром, Ивон попытался осмотреться, куда забросил его случай. Он заметил в отдалении здание величиной с собор, с окнами вышиною в пятьдесят футов. Он шел до него целый день и очутился, наконец, перед огромной дверью с таким тяжелым молотком, что рука человека не могла бы его поднять.

Ивон схватил большой камень и начал стучать.

— Войди, — сказал голос, звучащий, как рев быка. В то же мгновение дверь открылась, и маленький бретонец очутился лицом к лицу с великаном, ростом не менее сорока футов.

— Как звать тебя и что тебе здесь надо? — спросил великан, схватив нашего путешественника за ворот и подняв его с земли, чтобы лучше разглядеть.

— Меня зовут Отважным, и я ищу счастья, — отвечал Ивон, с вызывающим видом разглядывая великана.

— В таком случае, славный Отважный, твое счастье обеспечено, — насмешливо сказал великан. — Мне очень нужен слуга и я беру тебя в услужение. Ты вступишь тотчас же в свою должность. Теперь час, когда я выгоняю пасти свое стадо, ты же вычистишь хлев. Я не даю тебе другой работы, — прибавил он с усмешкой. — Ты видишь, я — добрый хозяин. Делай свое

дело и не шатайся по дому, если дорожишь головой!

«Поистине, хозяин, работа не тяжелая», — подумал Ивон. — «У меня, слава богу, есть время вымести хлев. Чем бы заняться пока, чтобы разогнать скуку? Не осмотреть ли дом? Если мне запрещают заглянуть туда, значит, там есть на что посмотреть».

Он вошел в первую комнату. В ней стояла огромная печь с котлом, висевшим на крюке. Котел кипел, хотя в очаге не было видно огня.

— Это что такое? — сказал бретонец. — Тут какая-то тайна.

Он отрезал прядь своих волос, погрузил ее в котел и вынул. Прядь оказалась покрыта медью.

— О! — воскликнул он. — Вот так бульон, совершенно необыкновенный! Глотнешь его, так живо получишь медный желудок!

Он прошел в другую комнату, в ней тоже находился котел, подвешенный на крюке и кипевший без огня. Ивон погрузил в него другую прядь волос и вынул ее посеребренной.

«В доме Керверов, — подумал он, — бульон не так дорог, но, вероятно, вкуснее».

Затем он вошел в третью комнату. И здесь был котел, кипевший без огня. Ивон снова погрузил в него прядь волос и вынул ее позолоченной, сияющей, как солнечный луч.

— Славно! — воскликнул Ивон. — У нас в Бретани у стариков есть поговорка: чем дальше, тем хуже. Здесь же все наоборот: чем дальше, тем лучше. Что же я найду в четвертой комнате, уж не суп ли из бриллиантов?

Он открыл дверь и увидел нечто, прекраснее всех драгоценных камней. Это была девушка такой удивительной красоты,

что при виде ее ослепленный Ивон опустился на колени.

— Несчастный! — воскликнула она дрожащим голосом. — Что ты тут делаешь?

— Я здесь живу, — отвечал бретонец. — Сегодня утром великан принял меня к себе на службу.

— На службу! — повторила девушка. — Упаси тебя небо от этого!

— Почему же? — сказал Ивон. — У меня добрый хозяин, работа не тяжелая. Вымету хлев, и дело с концом.

— Да, но как ты возьмешься за работу? — спросила незнакомка. — Если ты будешь работать, как все, то после каждой кучи навоза, которую ты выбросишь за дверь, целых десять вернется обратно в окно. Но я скажу тебе, что надо делать. Поверни вилы, мети палкой, — и навоз исчезнет в мгновение ока.

— Хорошо, — сказал Ивон, затем сел возле девушки и начал с нею разговаривать.

Она была дочерью феи, но гнусный великан сделал ее своей рабыней. Между товарищами по несчастью дружба возникает быстро. К концу дня Финетта (так звали незнакомку) и Ивон дали обет не разлучаться друг с другом, если им удастся бежать от своего ужасного хозяина. Вся

сложность состояла в выборе средства для побега.

Быстро бегут часы, когда их проводишь в подобном разговоре. Приближался вечер, и Финетта отослала своего нового друга, советуя ему вымести хлев до прихода великана.

Ивон снял вилы со стены и решил сначала употребить их так, как видел у отца в замке. Но ему не посчастливилось, и он прекратил работу, так как через минуту в хлев вернулось так много навозу, что бедный Ивон не знал, куда деваться. Тогда он сделал так, как сказала ему Финетта: перевернул вилы и начал мести палкой. В одно мгновение хлев был так чист, как будто в него никогда не входило ни одно животное.

По окончании работы Ивон уселся на скамью у входа в дом. Как только он заметил великана, он стал смотреть в небо и болтать ногами, напевая.

— Вычистил хлев? — спросил великан, хмуря брови.

— Все готово, хозяин, — отвечал Ивон, нимало не смущаясь.

— Это мы сейчас увидим! — взревел великан.

Ворча, он вошел в хлев, нашел, что все в порядке, и вернулся, разъяренный.

— Ты видел мою Финетту! — крикнул он.
— Не своими же мозгами ты додумался до этого!

— Кто такая эта твоя Финетта? — спросил Ивон, разевая рот и закрывая глаза. — Это, вероятно, местный зверек? Хозяин, покажи мне его!

— Молчи, дурак! — отвечал великан. — Ты и без того скоро познакомишься с ней.

На другой день великан собрал своих овец, чтобы гнать их в поле, и перед уходом приказал Ивону привести его коня, который пасся на горе.

— А затем, — сказал великан, злорадно усмехаясь, — отдыхай хоть целый день. Ты видишь, я — добрый хозяин. Исполни свою работу и, главное, не рыскай по дому, не то я отрублю тебе голову.

Ивон проводил великана прищуренными глазами.

«Поистине, — произнес он про себя, — ты — добрый хозяин, но, несмотря на твои угрозы, я все-таки войду в дом и поболтаю с твоей Финеттой. Посмотрим, не станет ли твоя Финетта скорее моей, чем твоей!»

И он побежал в комнату девушки.

— Победа! — воскликнул он при входе.
— Мне нечего делать целый день, нужно только сходить на гору и привести оттуда коня.

— Очень хорошо, — сказала Финетта, — но как ты поймашь его?

— Вот славный вопрос, — ответил Ивон, — разве это так трудно — поймать коня? Думается мне, что я видел и более норовистых коней, чем этот.

— Это не так легко, как ты думаешь, — отвечала Финетта, — но я скажу тебе, что нужно сделать. Как только ты подойдешь в животному, пламя и искры вылетят из его ноздрей, как из горнила. Возьми удила, которые спрятаны за дверью конюшни и кинь их коню прямо в пасть. Он тотчас станет смирным, как барашек, и ты сможешь делать с ним, что угодно.

— Хорошо, — сказал Ивон.

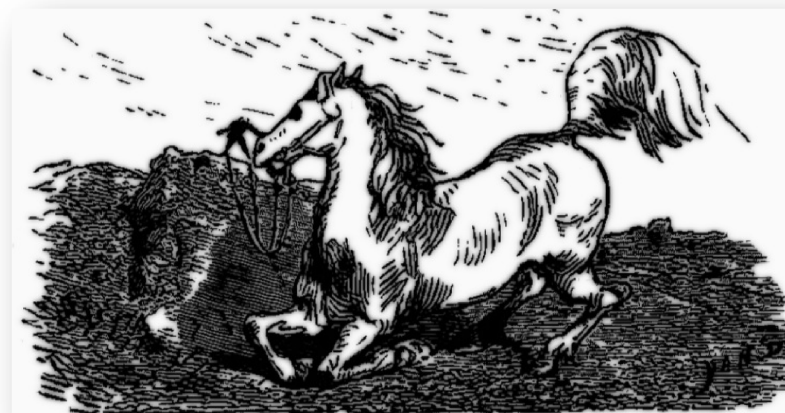

Затем он сел рядом с Финеттой и начал с нею беседовать. О чем они говорили? Обо всем понемногу. Но как бы далеко ни заходили они в своей фантазии, все равно возвращались к обещанию не разлучаться и к необходимости бежать от великана. Часы бегут быстро, когда их проводишь таким образом. Наступал вечер. Ивон позабыл и про гору, и про лошадь, и Финетта вновь была вынуждена отослать его, советуя привести животное до прихода хозяина.

Ивон взял удила, спрятанные за дверью конюшни, и побежал на гору. Конь, величиной со слона, приближался вскачь, искры и пламя вылетали из его ноздрей.

Ивон бесстрашно поджидал огромное животное и, как только оно раскрыло огненную пасть, он бросил в нее удила. Тотчас же конь стал смирным, как ягненок. Ивон заставил его опуститься на колени, сел ему на спину и спокойно вернулся домой.

По окончании работы наш бретонец снова уселся на скамью у входа в дом. Как только он заметил великана, он стал смотреть в небо и заболтал ногами, напевая свою песенку.

— Привел ты коня? — спросил великан, хмуря брови.

— Да, хозяин, — отвечал Ивон, нимало не смущаясь. — Прелестное животное, оно делает вам честь: послушно, красиво и хорошо выезжено. Оно там, в конюшне, ест овес.

— Это мы сейчас увидим! — взревел великан. Ворча, он вошел в конюшню, нашел все в полном порядке и вернулся, в ярости, назад.

— Ты видел мою Финетту! — закричал он. — Не своими же мозгами ты додумался до этого!

— Хозяин, — сказал Ивон, зевая и закрывая глаза, — опять та же история! Кто она — эта твоя Финетта? Раз и навсегда прошу, покажи мне это чудовище.

— Молчи, дурак, — отвечал великан, — ты и без этого очень скоро познакомишься с нею.

На третий день, на рассвете, великан собрал своих овец, чтобы гнать их в поле, но перед уходом сказал Ивону:

— Сегодня ты отправишься в преисподнюю за процентами с моего капитала. А затем, — продолжал он, злорадно усмехаясь, — ты можешь отдыхать всю остальную часть дня. Ты видишь, я — добрый хозяин.

«Добрый хозяин, положим», — подумал про себя Ивон, — «но от этого моя задача не легче. Пойти повидаться с Финеттой просто необходимо, чтобы она помогла мне выпутаться из этой истории».

Спросив своего друга о заданной на сегодня работе, Финетта сказала:

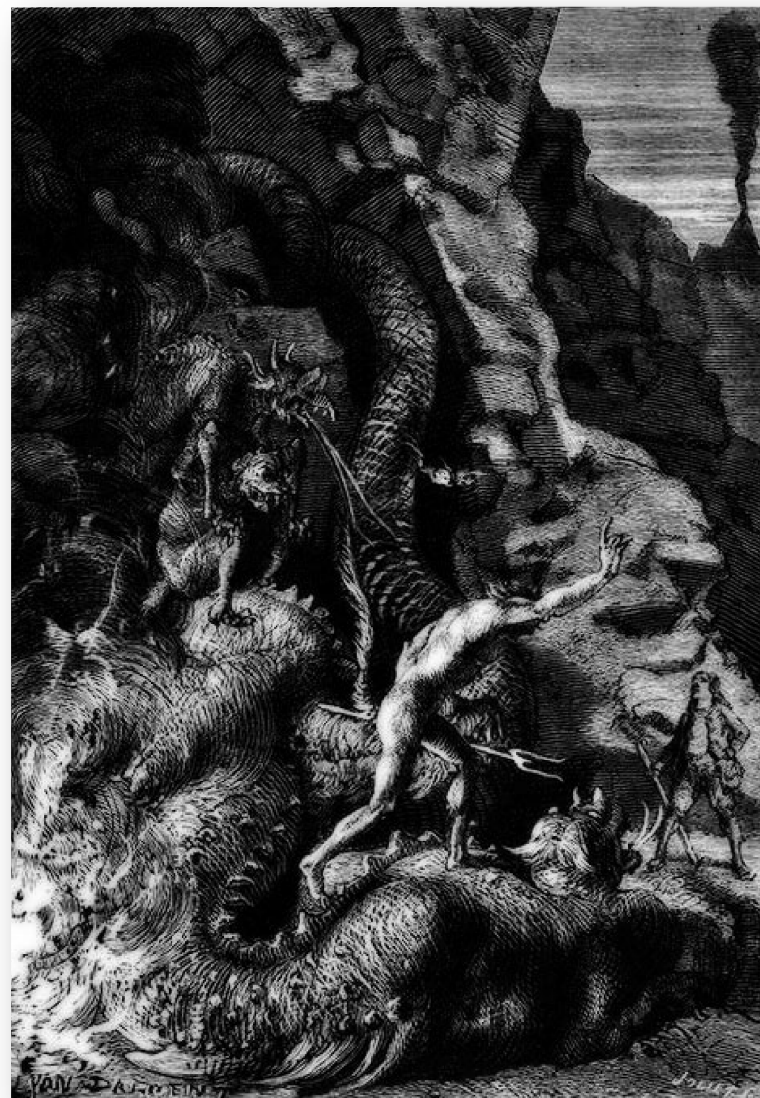
— Ну и как ты примешься за это дело?

— Решительно не знаю, — печально отвечал Ивон. — Я никогда не бывал в преисподней. И если бы даже нашел туда дорогу, то не знал бы, как там нужно разговаривать. Говори, я тебя слушаю.

— Видишь ту высокую скалу? — сказала Финетта. — В ней один из входов в преисподнюю. Возьми эту палку, ударь три раза о скалу, выйдет огненный демон. Ты скажи ему, зачем ты пришел. Он спросит тебя, сколько тебе надо? Смотри, не забудь ему ответить: «Не более того, что я смогу унести с собой!»

— Хорошо, — сказал Ивон. Затем он сел рядом с Финеттой и начал с нею беседовать. Он так и остался бы сидеть около нее, если бы при наступлении сумерек девушка не послала его к высокой скале исполнять поручение великана.

Придя к указанному месту, Ивон увидел высокую гранитную скалу, о которую он три раза ударил палкой. Скала раскрылась, из нее вышел демон, объятый пламенем.

— Что тебе надо? — вскричал он громовым голосом.

— Я пришел за процентами с капитала великана, — отвечал Ивон, нимало не смущаясь.

— Сколько тебе надо?

— Не более того, что я смогу унести с собой, — отвечал бретонец.

— Счастлив же ты, что не просишь больше, — отвечал ему демон. — Ступай в эту пещеру, ты в ней найдешь то, что тебе нужно.

Ивон вошел и широко раскрыл глаза. Повсюду лежало золото, серебро, бриллианты, изумруды. Их было так много, как песка на дне морском. Юный Кервер наполнил мешок, взвалил его себе на плечи и спокойно пошел обратно к дому великана.

По окончании работы наш бретонец уселся на скамью у входа в дом. Как только он заметил великана, он стал смотреть в небо и заболтал ногами, напевая родную песенку.

— Ходил ты в преисподнюю за моими процентами? — спросил великан, хмуря брови.

— Да, хозяин, — отвечал Ивон, нимало не смущаясь, — мешок перед вами, вот расчет.

— Это мы сейчас увидим! — взревел великан и развязал мешок, который был полон золота и серебра.

— Ты видел мою Финетту! — крикнул он. — Не своими же мозгами ты додумался до этого!

— Хозяин, — отвечал Ивон, зевая и закрывая глаза, — у тебя одна песня и один припев: моя Финетта, да моя Финетта! Раз и навсегда, покажи мне эту штучку!

— Ладно, ладно, — отвечал великан, краснея от бешенства, — подожди до завтра, я тебя с ней познакомлю.

— Спасибо, хозяин — отвечал Ивон, — это мило с вашей стороны, но по вашему веселому лицу видно, что вы шутите со мною.

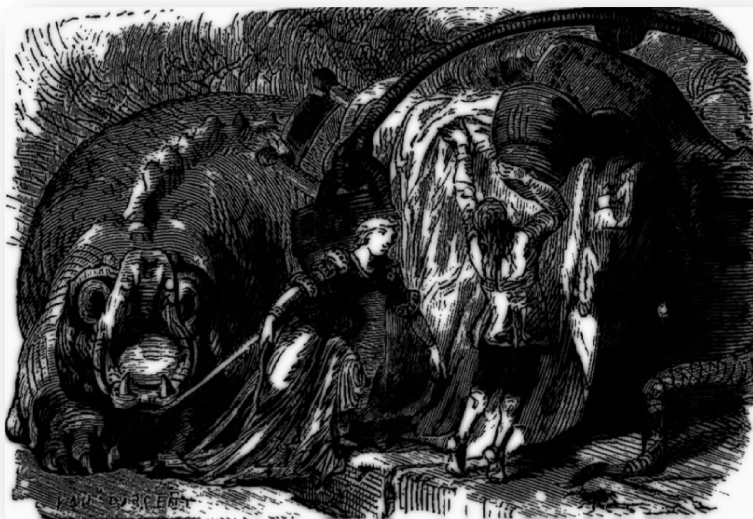
III.

На другой день великан ушел из дому, не дав Ивону никакого поручения, что обеспокоило Финетту. В полдень он вернулся без стада и, жалуясь на усталость, сказал молодой девушке:

— Ты найдешь у входа малыша, моего слугу. Отруби ему голову и свари ее в большом котле. Когда бульон будет готов, позови меня.

Затем он растянулся на постели и заснул. Он храпел так громко, что можно было подумать, что гром сотрясает горы.

Финетта приготовила плаху, взяла большой нож и позвала Ивона. Она слегка порезала ему мизинец, и три кровинки упали на плаху.

— Этого достаточно, — сказала молодая девушка, — теперь помоги мне наполнить котел.

Они начали бросать в него все, что только могли найти: старые платья, старые башмаки, старые ковры. Затем Финетта взяла Ивона за руку, повела его в три передние комнаты, отлила три золотых шарика, два серебряных и один медный. Спрятав шарики в кошелек, они выбежали из дому, направляясь к морю.

— Вперед, Керверы! — воскликнул Ивон, почувствовав себя на свободе. — Объясни, дорогая Финетта, какую комедию мы играем с тобой в эту минуту?

— Бежим! Бежим! — отвечала она. — Если до заката солнца мы не покинем этот проклятый остров, мы погибли.

— Вперед, Керверы! — отвечал Ивон, смеясь. — Да сгинет великан!

Прохрапев с добрый час, великан открыл один глаз и, сладко потягиваясь, спросил:

— Скоро сварится?

— Только закипает, — отвечала с плахи первая кровинка.

Великан повернулся к стене и снова захрапел, сильнее прежнего. Проспал он часа два, потянулся, открыл один глаз и крикнул:

— Послушай! Скоро ли готово?

— Уже кипит, — отвечала с плахи вторая кровинка. Великан повернулся на другой бок и проспал еще час.

Затем он вытянул свои громадные ноги и вскрикнул:

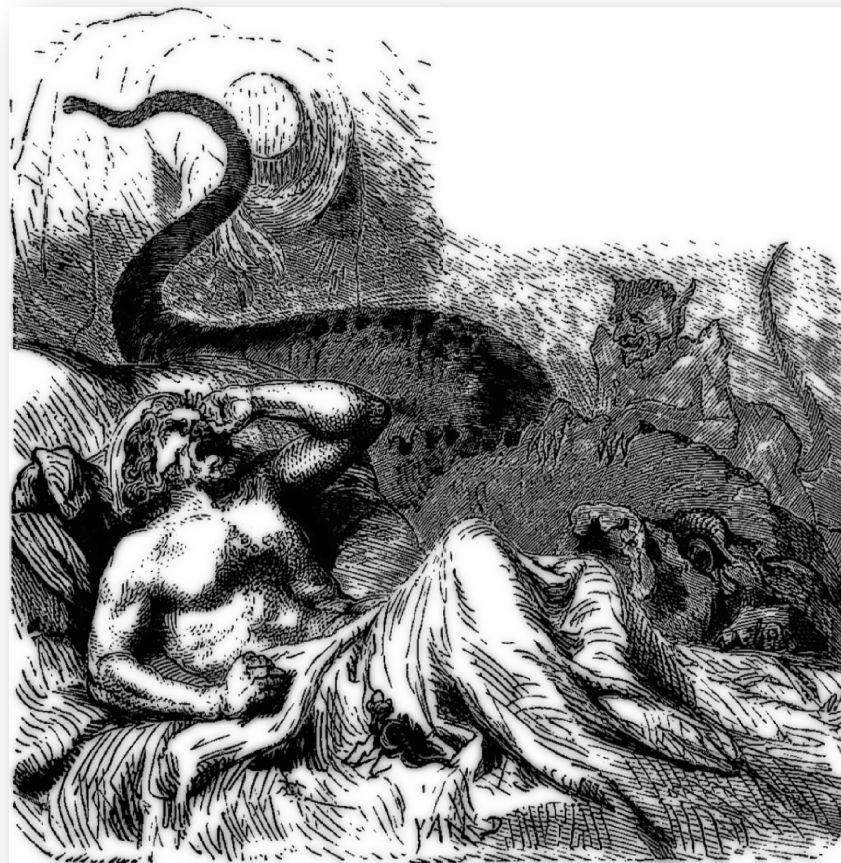
— Неужели еще не готово?

— Готово, — отвечала ему третья кровинка. Великан поднялся, сел на постели, протер глаза и стал искать того, кто с ним говорил, но никого не увидел.

— Финетта! — заревел он. — Почему не накрыт стол?

Ответа не последовало. Взбешенный великан вскочил с постели, схватил свою ложку, походившую размерами на котел, насаженный на вилы, и стал пробовать суп.

— Финетта! — заревел он. — Ты забыла положить соли! Что это за бульон? Я не вижу в нем ничего мясного!

Но зато он увидел в нем свой ковер, который еще не успел как следует вывариться. При виде его великан пришел в такую ярость, что еле удержался на ногах.

— Злодеи! — воскликнул он. — Насмеялись надо мной, поплатитесь же вы за это!

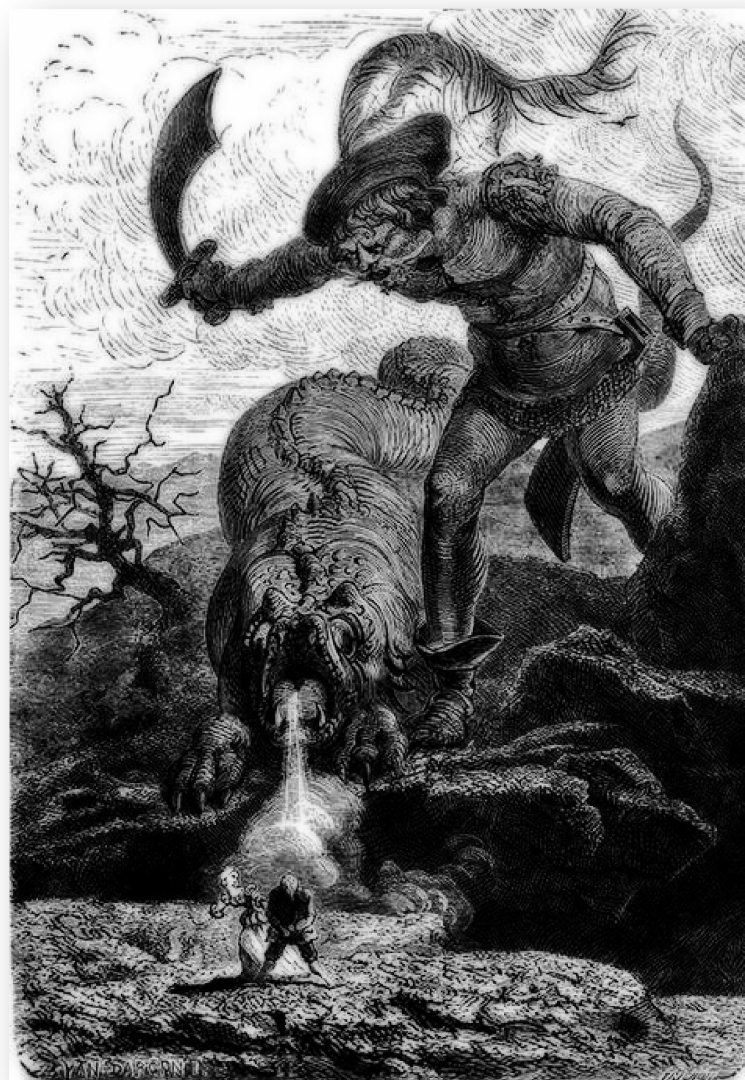
Он вышел из дому с дубиной в руке и зашагал так, что ровно через четверть часа увидел обоих беглецов на порядочном расстоянии от берега. От радости он испустил крик, разбудивший эхо на двадцать миль в округе.

Финетта, задрожав, остановилась. Ивон прижал ее к своему сердцу.

— Вперед, Керверы! — сказал он. — Море недалеко, мы достигнем его раньше нашего врага.

— Вот он! Вот он! — крикнула Финетта, указывая на великана, который находился от них уже не более, чем в ста шагах. — Мы погибли, если нас не спасет этот талисман!

Она вынула медный шарик и кинула его на землю со словами:

— Медный шарик, выручай,
и злодею помешай!

Тотчас же земля раскололась со страшным треском.

Огромная трещина, бездонная пропасть остановила великана, который уже протянул руку, чтобы схватить беглецов.

— Бежим! — воскликнула Финетта, увлекая за собой Ивона, насмешливо глядевшего на великана.

Великан принялся бегать вдоль бездны то в одну, то в другую сторону, как медведь в клетке. Наконец, в бешенстве, он вырвал с корнем огромный дуб и перекинул его через трещину. Дерево упало и чуть не задавило своими ветвями беглецов. Великан сел верхом на этот естественный мост, согнувшийся под ним. Повиснув та-

ким образом между небом и землею, он начал осторожно продвигаться вперед, с трудом прокладывая себе путь среди ветвей. Когда он добрался до края пропасти, Ивон и Финетта были уже на берегу, перед ними волновалось море.

Увы, нигде не было видно ни барки, ни лодки. Беглецы попали в трудное положение. Ивон начал собирать камни, чтобы напасть на великана и дорого продать ему свою жизнь. Финетта в сильном волнении вынула один из серебряных шариков и кинула его в волны со словами:

— Серебряный шарик, спаси!

От злодея нас унеси!

Как только шарик утонул, появился прекрасный корабль, распускающий навстречу ветру свои паруса, словно лебедь белоснежные крылья. Ивон и Финетта взошли на корабль. Когда взбешенный великан подбежал к берегу, корабль уже удалялся на всех парусах, оставляя за собой длинную полосу света и морской пены.

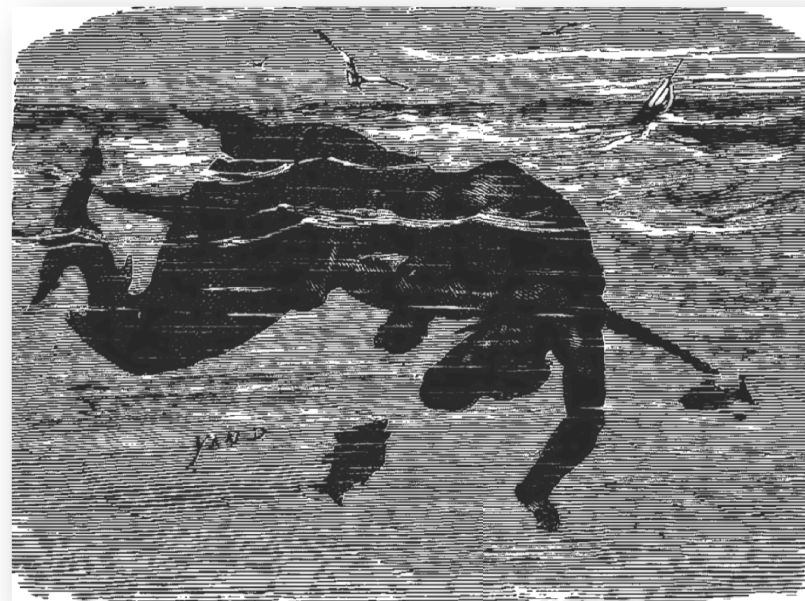
Великаны не любят воды. Это факт, доказанный уже стариком Гомером, хорошо знавшим Полифема. Подтверждение этому можно найти во всех «Естественных историях», заслуживающих этого названия. Хозяин Финетты имел сходство с Полифемом, он побагровел при виде ускользающих пленников, бегал в бешенстве по берегу, кидал в корабль громадные глыбы скал, которые, к счастью, не долетали до него. Наконец, потеряв рассудок от гнева, он кинулся, очертя голову, в волны и поплыл за кораблем с ужасающей быстротой. С каждым взмахом руки он приближался на

сорок футов, пыхтя и рассекая волны. Постепенно он настигал своих врагов. Оставалось приложить лишь небольшое усилие, чтобы схватить корабельный руль, и он уже протянул к нему свою косматую руку, но Финетта, обливаясь слезами, бросила в море второй серебряный шарик со словами:

— Шарик серебряный, нам помощи!

От злодея нас сбереги!

Из пенистых волн внезапно появилась гигантская рыба-пила. Она бросилась на великана, едва успевшего нырнуть. Она загнала его под самые гребни волн и заставила его плыть изо всех сил обратно к берегу. Несчастный достиг его с большим трудом и упал на песок мокрый, измученный, побежденный.

— Вперед, Керверы! — крикнул Ивон. — Мы спасены!

— Нет еще, — отвечала встревоженная Финетта. — У великана есть крестная мать — колдунья. — Боюсь, как бы она не вздумала отомстить за оскорбление, нанесенное ее крестнику. Благодаря моему знакомству с волшебными чарами, я узнала,

что, если ты хоть на одну минуту покинешь меня, дорогой Ивон, я должна опасаться всего до тех пор, пока ты не дашь мне свое имя в дворцовой часовне Керверов.

— Клянусь единорогом моих предков! — воскликнул Ивон. — Дорогая Финетта, разве я не с тобою? Разве я тебя покидаю? Неужели ты думаешь, что судьба вырвала нас из когтей этого чудовища, чтобы утопить у берегов моей родины?

Он так весело засмеялся, сверкая своими белыми зубами, что и Финетта стала смеяться над своими страхами. О, юность, юность! Как быстро исчезают твои печали! Солнце так скоро проглядывает после дождя, что даже огорчения твои приятнее самых счастливых дней старости!

IV.

Дальнейшее путешествие прошло благополучно. Казалось, невидимая рука направляла корабль к берегам Бретани. Двадцать дней спустя молодые люди высадились на берегу небольшого залива неподалеку от замка Керверов. Выйдя на берег, Ивон хотел было поблагодарить экипаж корабля, но никого уже не было видно. Судно исчезло в море, не оставив после себя никаких следов.

Ивон узнал то место, где он часто в детстве собирал раковины и охотился за крабами, прятавшимися в своих норах. Через полчаса он должен был увидеть своды и башни старого замка. Его сердце билось, он нежно взглянул на Финетту и впервые заметил ее причудливый наряд, совершенно неприличный для дамы, намеревавшейся вступить в благородный дом Керверов.

— Дорогое дитя, — сказал он ей, — барон, мой отец, важная персона, привыкшая к тому, чтобы его все уважали. Я не смею представить тебя в подобном цыганском наряде, и тебе не пристало идти пешком в наш величественный замок, это могут делать только мужчины. Подожди меня несколько минут, я вернусь с платьями и иноходцем одной из моих сестер. Я желаю, чтобы тебя встретили как даму знатного происхождения и чтобы при твоём появлении мой отец сам вышел на крыльцо и счел бы за честь помочь тебе сойти с коня.

— Ивон! Ивон! — воскликнула Финетта.
— Не покидай меня, умоляю тебя. Как только ты вернешься в свой замок, ты меня забудешь, я это знаю.

— Забыть тебя! Если бы кто-либо другой, а не ты, нанес мне подобную обиду, я с мечом в руке научил бы его, что значит сомневаться в слове Кервера. Забыть тебя,

моя Финетта! Ты не знаешь, что такое верность бретонца!

Бретонцы верны, никто не сомневается в этом, но они в гораздо большей степени упрямы. Как ни молила Ивона своим нежным голосом бедная Финетта, ей пришлось, в конце концов, уступить. Она сдалась против своей воли и сказала ему:

— Так ступай же без меня в свой замок, но оставайся там ровно столько, чтобы успеть лишь поздороваться со своими родными. Беги прямо в конюшню и возвращайся, как можно скорее. Тебя окружают со всех сторон, старайся ни на кого не смотреть и, главное, не ешь и не пей ничего, даже воды, иначе не миновать нам с тобою несчастья.

Ивон обещал и поклялся исполнить все, что говорила ему Финетта, но в душе он смеялся над ее женской слабостью. Он был спокоен за себя и горделиво размышлял о том, что истинный бретонец вовсе не похо-

дит на этих легкомысленных французов, слова которых, как говорят, уносятся первым же дуновением ветра.

Когда наш скиталец вошел в древний замок, он с трудом узнал его мрачные стены. Сверху донизу окна были украшены зеленью и цветами, двор замка был устлан свежей травой. На одном конце двора стояли столы, ломившиеся под тяжестью яств, вино лилось рекою. На другом конце двора музыканты, сидя на бочках, играли на своих инструментах. Вассалы с женами, в праздничных нарядах, плясали и пели, пели и плясали. В замке было большое торжество, даже барон улыбался. Он выдавал замуж свою пятую дочь за кавалера де-Кернавалена. Этот благородный союз прибавлял лишний цветок к блестящему гербу старика Кервера.

Ивона узнали и приветствовали, он был тотчас же окружен пирующими. Его целовали, хватали за руки.

Где он пропадал? Откуда явился? Завоевал ли королевство или герцогство? Привез ли он невесте драгоценное ожерелье какой-нибудь королевы? Покровительствовали ли ему феи? Сколько соперников сбросил он с коней на турнирах? Все эти вопросы задавали ему непрерывно. Ивон почти-точно поцеловал руку своего отца и поспешил в комнаты своих сестер. Там он выбрал два самых лучших платья, пошел в конюшню, оседлал иноходца, вскочил на прекрасного испанского жеребца и только хотел было выехать из замка, как увидел перед собою своих родных, друзей, оруженосцев и вассалов с кубками в руках: все хотели чокнуться со своим юным господином и выпить по случаю его благополучного возвращения.

Ивон вежливо поблагодарил их, он приветствовал жестом эту дружественную толпу и прокладывал себе понемногу сквозь нее дорогу. Вдруг у выезда, близ опущенного подъемного моста незнакомая дама, быть может, сестра жениха, блондинка с гордым, надменным видом, приблизилась к нему, держа двумя пальцами румяное яблочко.

— Прекрасный рыцарь, — проговорила она с обворожительной улыбкой, — вы не откажете даме в ее первой просьбе? Отдайте, пожалуйста, это яблоко. Я полагаю, что после долгого путешествия, если даже вы не чувствуете ни голода, ни жажды, вы не забыли, по крайней мере, правил вежливости.

Такому вызову Ивон не осмелился отказать. Он сдался. Едва только попробовал он яблоко, как оглянулся вокруг, точно спросонок.

«Почему я сижу верхом? — подумал он. — Что означает этот конь, которого я веду за собой? Разве мое место не около отца, на свадьбе моей сестры? Зачем мне покидать замок?»

Он бросил повод коня одному из слуг, ловко соскочил на землю и предложил руку блондинке, которая с этой минуты выбрала его своим кавалером и в знак своего особого расположения дала ему свой букет цветов.

К вечеру в замке Керверов было двумя обрученными больше. Ивон поклялся в верности незнакомке. Финетта была забыта.

V.

Сидя на берегу моря, Финетта целый день напрасно поджидала Ивона. Солнце утопало в багровых волнах, когда Финетта со вздохом поднялась с места и направилась к замку. Немного пройдя по пустынной дороге, окаймленной диким терном в цвету, она очутилась перед убогой хижинкой, у входа в которую беззубая старуха готовилась доить корову. Финетта подошла к ней и, вежливо поклонившись, попросила дать ей убежище на ночь.

Старуха оглядела незнакомку с головы до ног. В своих полусапожках, опушенных мехом, длинной юбке тёмно-красного цвета, голубом корсаже, обшитом янтарем, и в диадеме Финетта скорее походила на египтянку, чем на христианку. Старуха нахмурила брови и, грозя бедной сироте кулаком, воскликнула:

— Убирайся вон, колдунья! Нет тебе места в этом честном жилище!

— Бабушка, — сказала Финетта, — дайте мне хоть уголок в хлеву!

— Вот как? — возразила старуха, улыбаясь во весь рот и обнаруживая единственный свой зуб, который выглядывал изо рта в виде клыка. — Ты просишь уголок в хлеву? Ты получишь его, если наполнишь мне золотом это ведро.

— Согласна, — спокойно отвечала Финетта.

Она открыла висевший на поясе кошелек, вынула оттуда золотой шарик и кинула его в ведро со словами:

— Шарик, шарик золотой,
помоги мне, дорогой!

Тотчас на дне ведерка послышался звон монет. Они поднимались все выше и выше, подпрыгивая, как рыбки в сетке, в то время как изумленная старуха подскочила, просунула руку под дужку ведра и, кланяясь Финетте, воскликнула:

— Сударыня, все ваше, дом, корова и остальное! Я ухожу в город и заживу там барыней, ничего не делая! Ах! Если бы только я была моложе лет на шестьдесят!

И вот, опираясь на свой костыль и не оглядываясь назад, старушка поковыляла к замку Керверов.

Финетта вошла в хижину. Это была ужасная лачуга, темная, низкая, сырая, зловонная, полная пыли и паутины. Печальное убежище для девушки, привыкшей жить в доме великана! Хладнокровно приблизилась Финетта к очагу, где дымилось несколько полусырых веток терновника, вынула из кошелька второй золотой шарик и бросила его в огонь со словами:

— Шарик, шарик золотой,
помоги мне, дорогой!

Тотчас же золото расплавилось, закипело и разлилось по всему дому, как вода. И вот весь домик, стены, крыша, деревянное кресло, скамья, сундук, кровать, коровьи

рога, даже пауки в углах — все превратилось в золото. Можно было подумать, что это сказочная китайская беседка.

При свете луны, сквозь чащу деревьев домик блестел, как звезда во мраке ночи. Когда Финетта подоила корову и напилась молока, она, не раздеваясь, бросилась на кровать и, усталая от дневных невзгод, заснула, вся в слезах.

Старухи не умеют держать язык за зубами, особенно в Бретани.

Добравшись до деревушки, находившейся недалеко от замка Керверов, старуха побежала к дворецкому. Это было важное лицо, которое не раз заставляло трепетать старуху, когда та ненароком заходила на барскую кухню. Дворецкий выслушал со-

общение старухи, покачал несколько раз головою, заявив, что все это вздор и пустяки. Затем незаметно он взял весы, взвесил старухины монеты, которые оказались отличной чеканки и высокой пробы, оставил у себя самую лучшую, какую только смог найти, и, в заключение, посоветовал своей собеседнице никому не говорить об этом странном приключении.

— Если в это дело вмешается судья или господский управляющий, — сказал он, — то, самое меньшее, что с тобою может случиться, это то, что ты никогда не увидишь этих маленьких золотых кружочков. Эти господа не любят дележа: без долгих размышлений и разговоров они берут себе всё.

Старуха поблагодарила дворецкого за совет и решила ему последовать. Поэтому в тот же вечер она никому не рассказала своей истории, кроме двух соседок, своих самых лучших подруг. Обе поклялись ей головами своих маленьких деток хранить все в тайне. Клятва была так торжественна и так свято хранима, что на другой день в полдень в деревне не было мальчишки, который не указывал бы пальцем на старуху.

Даже собаки, лая на нее, казалось, говорили на своём языке о золоте.

Не каждый день можно встретить девушку, которая занималась бы наполнением ведер золотыми монетами.

Будь она даже колдуньей, в хозяйстве такая девушка была бы настоящим сокровищем. Дворецкий, который не был женат, был занят этими размышлениями вечером перед сном. Утром он встал до рассвета, чтобы отправиться к незнакомке. В утренних сумерках он заметил вдалеке нечто вроде сияния среди деревьев и весьма удивился, когда вместо убогой хижины увидел золотой дом. Но что удивило и восхитило его гораздо более при входе в этот маленький дворец — это красавица с темными волосами, прявшая у окна с величием императрицы.

Как и все мужчины, дворецкий знал себе цену и признавал в глубине души, что не было на свете женщины, которая не сочла бы за счастье отдать ему свою руку. Поэтому он объявил немедленно Финетте, что

пришел на ней жениться. Девушка начала смеяться, и дворецкий взбесился.

— Берегись, — сказал он ей угрожающим голосом, — я здесь хозяин. Неизвестно, кто ты такая, неизвестно, откуда ты пришла. Золото, которое ты подарила старухе, подозрительно. В этом доме неладно. Если ты тотчас же не согласишься сделаться моей женой, я арестую тебя, и тогда, быть может, сегодняшним же вечером на костре перед дворцом Керверов сожгут колдунью.

— Вы весьма любезны, — сказала Финетта с грациозной улыбкой, — но у вас очень оригинальный способ ухаживать за дамами. Любой вежливый человек всегда щадит их робость и застенчивость.

— Мы, бретонцы, — сказал дворецкий, — весьма услужливы. Мы идем прямо к цели. Свадьба или тюрьма? Выбирай.

— Хорошо, — промолвила Финетта, оставив свою прялку. — Ах! Посмотрите, огонь выпал из очага в комнату!

— Не беспокойся, я брошу головни обратно в очаг.

— Поправьте огонь как следует, — попросила Финетта, — отодвиньте золу подальше. Вы хорошо держите щипцы?

— Очень, — отвечал дворецкий, подбравший в это время дымившиеся угли.

— Абракадабра! — воскликнула, вставая, Финетта. — Держи щипцы, злодей, до вечера, не расставляйтесь друг с другом до заката солнца!

Сказано — сделано. Злой дворецкий оставался на своем месте в течение целого дня, подбирая и бросая в очаг щипцами дымившиеся угли, которые отскакивали ему в лицо, горячий пепел летел ему прямо в глаза. Сколько он ни кричал, ни молил, ни плакал, ни ругался — никто не слышал его. Если бы Финетта осталась дома, она, без сомнения, сжалилась бы над несчастным, но, заколдовав его, она побежала к морю. Там, позабыв все на свете, она стала вновь поджидать Ивона, который все не возвращался.

Как только зашло солнце, щипцы выпали из рук дворецкого и он пустился бежать без оглядки, точно сам дьявол гнался за ним по пятам. Он делал такие прыжки, испускал такие вопли, был так чёрен, опалён и напуган, что вся деревня в страхе смотрела на него, как на сумасшедшего. Самые смелые пытались заговорить с ним, но он бежал, не отвечая, и скрылся в своем до-

ме, посрамленный больше, чем попавший в капкан волк.

Вечером, когда опечаленная Финетта возвратилась в свое жилище, она застала

там уже не дворецкого, а другого, хотя и не менее грозного посетителя.

Местный судья, узнав историю с монетами, тоже решил жениться на иностранке. Он не был так груб, как дворецкий, это был веселый толстяк, который не мог сказать слова, не покатываясь со смеху и не показывая своих желтых зубов. Но, в сущности, он был не менее навязчив и грозен, чем его предшественник. Финетта умоляла господина судью оставить ее в покое, господин судья расхохотался и дал вежливо понять ей, что по праву, присвоенному его должности, он может сажать в тюрьму и вешать без суда и следствия кого угодно. Финетта со слезами и мольбой сложила руки. Вместо всякого ответа судья вынул из кармана свиток пергамента, написал на нем акт о бракосочетании и объявил Финетте, что он не уйдет, пока она его не подпишет, даже если бы ему пришлось провести в ее доме всю ночь.

— Но, — прибавил он, — если моя особа вам не нравится, я не буду настаивать, вот другой лист пергамента, на котором я могу написать все, что угодно, и, если вид мой вам неприятен, нет ничего легче, как навсегда закрыть вам глаза.

Говоря это, он провел рукой вокруг шеи и высунул язык так мило, что мог развеселить всякого.

— Боже мой! — сказала Финетта. — Я, быть может, и решилась бы на то, чего вы желаете, если бы я была уверена, что найду в вас доброго мужа, но я боюсь.

— Чего же, дорогое дитя? — сказал судья, улыбаясь и принимая гордый вид, как распутивший хвост павлин.

— Неужели вы думаете, — отвечала она капризным тоном, — что добрый муж оставил бы эту дверь отворенной и не чувствовал бы, что холодный ветер дует на его жену?

— Вы правы, моя красавица, — сказал судья, — я невежлив, но сейчас же исправлю свой промах.

— Вы нашли засов? — спросила Финетта.

— Да, моя прелесть, — отвечал счастливый судья, — я сейчас запру им дверь.

— Абракадабра! — закричала Финетта. — Пусть же дверь тебя держит, злодей, и держи ее сам до рассвета!

И дверь начала отворяться и затворяться, стучаясь о стены, точно орел, машущий крыльями. Посудите же сами, как выплясывал бедный пленник целую ночь. Никогда ему не приходилось танцевать такой танец, и я полагаю, что никогда после этого он не желал повторить его. То он сам распахивал дверь на улицу, то дверь его прихлопывала, придавливая к стене. Он бегал взад и вперед, кричал, плакал, просил. Напрасный труд: дверь была глуха к его мольбам, а Финетта спала.

На рассвете его сжатые руки раскрылись, и он хлопнулся головой о землю. Недолго думая, он бросился бежать, как будто его преследовали сарацины. Он даже не оглядывался, боясь, что дверь гонится за ним по пятам. К счастью, когда он возвратился домой, все еще спали, и он мог спрятаться в постель прежде, чем ужасный вид его был кем-либо замечен. Великое счастье! Он был в пыли с головы до ног и так бле-

ден, растерян и испуган, что его можно было принять за убежавшую из ада тень.

Когда Финетта открыла глаза, она увидела около своей постели высокого человека в черном платье, бархатной шляпе и со шпагой, как у рыцаря.

То был сенешаль (5) двора и владений Керверов. Скрестив руки, он смотрел на молодую девушку таким взглядом, который пронизывал ее холодом до мозга костей.

— Как твое имя, вассалка? — спросил он громовым голосом.

— Финетта, сударь, — отвечала она, дрожа всем телом.

— Этот золотой дом и эта золотая мебель принадлежат тебе?

— Да, сударь, всё к вашим услугам.

— Именно этого я и хочу, — сурово заметил сенешаль. — Встань, вассалка, я хочу оказать тебе честь: я женюсь на тебе и бе-

ру под покровительство твою личность и имущество.

— Сударь, — сказала Финетта, — это слишком большая честь для такой бедной девушки, как я, я иностранка и не имею ни родных, ни друзей.

— Замолчи, вассалка! — сказал сенешаль. — Я твой властелин и начальник и не нуждаюсь в твоём мнении. Подпиши эту бумагу.

— Сударь, — отвечала Финетта, — я не умею писать.

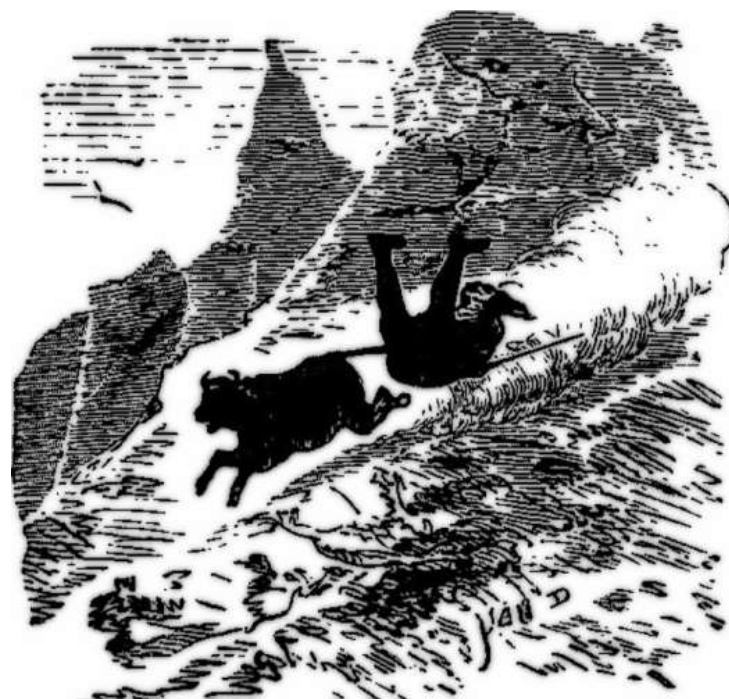
— Неужели ты воображаешь, что я это умею лучше тебя? — возразил сенешаль голосом, от которого задрожал дом. — Уж не принимаешь ли ты меня за писаря? Простой крест — вот подпись рыцарей. — Он поставил большой крест на бумаге и протянул перо Финетте.

— Подпиши, — сказал он. — Если ты не поставишь крест, то сама вынесешь себе приговор, безбожница, и я приму на себя его исполнение.

Говоря это, он вынул из ножен тяжелую шпагу и бросил её на стол. Вместо ответа Финетта выскочила в окно и спряталась в хлеву. Сенешаль бросился за ней, но, когда он захотел туда войти, его задержало непредвиденное препятствие. Испуганная корова при виде молодой девушки попятилась назад и заняла проход. Финетта держала ее за рога, пользуясь ею, как щитом.

— Ты не уйдешь от меня, колдунья! — закричал сенешаль и, схватив с силой, достойной Геркулеса, корову за хвост, вытаскивал ее из хлева.

— Абракадабра! — закричала Финетта. — Пусть же коровий хвост тебя держит, злодей, и держи его сам до тех пор, пока вы вместе не совершите кругосветное путешествие!

И вот корова полетела, как молния, волоча за собой несчастного сенешаля. Ничто не могло остановить неразлучных путешественников, они бежали через горы и доли, переносились через болота, рвы и леса, скользили по поверхности моря, не погружаясь в воду, мерзли в Сибири, пеклись на солнце в Африке, взлетали на Гималаи, спускались с Монблана и, наконец,

после тридцатишестичасового беспримерного путешествия наконец остановились, задыхаясь и выбившись из сил, на площади деревни Керверов.

Сенешаль, привязанный к коровьему хвосту, — зрелище, которое не каждый день случается видеть. Поэтому все крестьяне окружили его, чтобы посмотреть на это чудо. Но как ни был сенешаль растер-

зан по милости африканских кактусов и азиатских кустарников, он нисколько не утратил своего величия. Грозным жестом он рассеял толпу черни и, ковыляя, отправился домой, чтобы освежиться и отдохнуть, в чем он начинал чувствовать потребность.

VI.

В то время как дворецкий, судья и сенешаль претерпевали эти маленькие невзгоды, рассказывать о которых они считали излишним, в замке Керверов готовились к

важному событию — к свадьбе Ивона и белокурой дамы. Все было готово за два дня, со всей округи на двадцать миль вокруг собрались друзья и знакомые. И вот в одно прекрасное утро Ивон со своей невестой вместе с господином и госпожой де-Кервер заняли место в убранной зеленью карете и с большой пышностью отправились в знаменитый монастырь Сен-Маклу. Справа и слева жениха с невестой сопровождали сто рыцарей в железных латах на разукрашенных парадными лентами конях. В знак особого почета у каждого из них было поднято забрало и опущено копье. За каждым ехал, держа знамя, оруженосец. Во главе процессии гарцевал сенешаль с золотым жезлом в руке. За каретой шел с важностью судья в сопровождении вассалов и вассалок, между тем как дворецкий укрощал любопытную толпу крестьян, столь же невоздержанных в своей страсти к зрелищам, как и в болтовне.

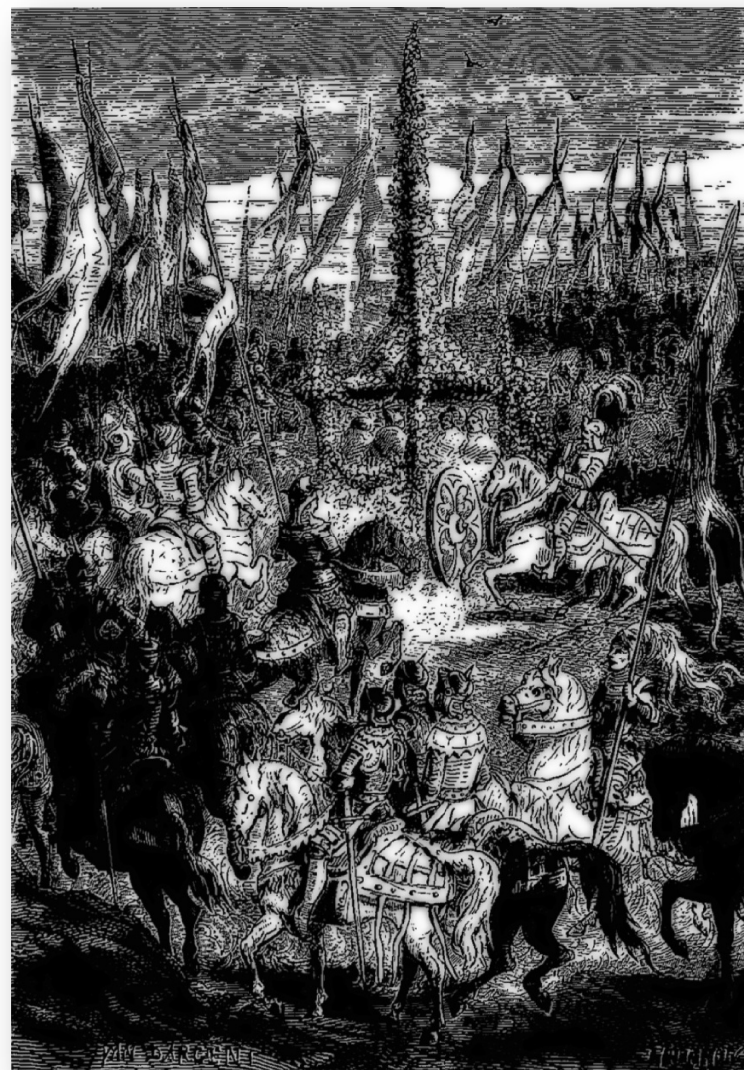

Но, едва они отъехали на милю от замка, как при переправе через ручей у кареты сломался один из вальков. Пришлось остановиться. Исправив повреждение, хлестнули лошадей, которые так сильно дернули, что и другой валёк разлетелся на несколько частей. Шесть раз меняли этот злопо-

лучный кусок дерева, шесть раз он снова ломался, и все никак не могли выбраться из ямы, в которой увязла свадебная карета. Каждый подавал советы, крестьяне, занимавшиеся каретным ремеслом, не отставали от других, стараясь щегольнуть знанием дела. Это придало смелости дворецкому, он подошел к барону де-Керверу, снял шляпу и, почесывая затылок, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блестит сквозь листву, живет иностранка, которая щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам свои щипцы, чтобы из них сделать валец, я думаю, они-то выдержат до завтра.

Барон кивнул головой, десять человек крестьян побежали к дому Финетты, которая очень охотно дала им золотые щипцы. Их вставили вместо валька, пристегнули постромки, лошади рванули и вынесли карету, как перышко.

Радость была общая, но она продолжалась недолго. Через сто шагов затрещало и выпало дно кареты и с ним едва не погибла вся благородная семья Керверов. Каретники и тележники тотчас же принялись за работу, напилили досок, прибили их крепко-накрепко гвоздями и в одно мгновение поправили беду. Вперед, Керверы! И что же? Все двигаются в путь, пол кареты остается на месте, госпожа де-Кервер неподвижно сидит рядом с невестой в то время, как Ивон с бароном несутся вскачь.

Новое затруднение, новое отчаяние. Но все усилия напрасны — три раза чинили карету, и три раза она снова ломалась. Можно было подумать, что она заколдована.

Каждый подавал советы, и это придавало смелости судье. Он подошел к барону де-Кервер и, отвесив низкий поклон, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блещит там сквозь листву, живет иностранка,

которая щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам половинку двери, чтобы сделать из нее дно колесницы, я думаю, она-то выдержит до завтра.

Барон кивнул головой, и двадцать человек крестьян побежали к Финетте, которая очень охотно отдала половинку золотой двери. Ее вставили в колесницу, и она пришлась так хорошо, словно нарочно для этого была сделана. В путь! Монастырь уже виден, конец всем дорожным передрягам. Ничуть не бывало! Лошади останавливаются и не хотят везти дальше. Вместо четырех лошадей впрягли шесть, восемь, десять, двенадцать, двадцать четыре — напрасный труд, карета не трогалась с места. Чем больше хлестали лошадей, тем глубже погружались в землю колеса, точно лемеха у плуга.

Что делать? Идти пешком было неприлично. Сесть верхом на лошадей и подъехать к монастырю, подобно мещанам, было не принято у Керверов. Поэтому всеми си-

лами старались поднять карету, толкали колеса, кричали, сердились. Но, несмотря на то, что говорили много, вперед не двигались. Между тем наступил вечер, и назначенный для венчания час прошел.

Каждый подавал советы, и это придало смелости сенешалю. Он подошел к барону де-Кервер, слез с коня и, сняв бархатную шляпу, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блестит там сквозь листву, живет иностранка, которая щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам свою корову, чтобы довезти карету, я думаю, что это животное может везти хоть всю ночь.

Барон кивнул головой, и тридцать человек крестьян побежали к Финетте, которая очень охотно дала им свою корову с золотыми рогами.

Въехать в монастырь на корове, быть может, и не соответствовало мечтам белокурой дамы, но это было всё же лучше, чем сидеть на дороге, не венчаясь.

Итак, корову впрягли во главе четверки и ждали, что будет делать хваленое животное.

Не успел кучер ударить кнутом, как корова понеслась вскачь, как будто хотела совершить кругосветное путешествие. Лошади, карета, барон и невеста, кучер — все умчались за бешеным животным. Напрасно рыцари прищпоривали коней, чтобы поспеть за женихом и невестой, напрасно вассалы и крестьяне бежали со всех ног напрямик, желая пересечь ей дорогу, карета неслась, как на крыльях, даже птица не смогла бы ее догнать.

Подъехав к воротам монастыря, несколько утомленная быстрой ездой свита не прочь была сойти с коней. Всё было готово для церемонии, все давно ожидали жениха с невестой. Но, вместо того, чтобы остановиться, корова понеслась еще быстрее. Тринадцать раз обежала она вокруг монастыря, с бешеной скоростью колеса горшечника, затем вдруг повернула на дорогу к замку и побежала прямо через поля с такою быстротою, что едва не разбила в пух и прах всех Керверов, пока доставила их в древний замок

VII.

В этот день нечего было и думать о свадьбе. Но столы были накрыты, кушанья поданы, а барон де-Кервер был слишком благородным рыцарем, чтобы отпустить своих добрых бретонцев, не дав им, согласно обычаю, вдоволь попить от заката до восхода солнца и даже немного дольше.

Подали знак садиться. На дворе в восемь рядов было расставлено девяносто шесть столов. Напротив, на высокой, обитой бархатом, эстраде, с балдахином посередине, возвышался стол еще более широкий, чем все остальные, уставленный цветами и плодами, не говоря уже о жареных косулях и павлинах, дымившихся весьма аппетитно. Здесь должны были сидеть новобрачные. Обычай требовал, чтобы даже самый последний крестьянин мог удостоиться

честь поздравить молодых и осушить кружку меда за здоровье и благополучие знаменитого и могущественного рода Керверов.

Барон пригласил за свой стол сто рыцарей, за которыми разместились, чтобы прислуживать им, их оруженосцы. Справа он посадил белокурую даму и Ивона, а слева оставил место свободным и, подозревая паж, сказал:

— Беги, дитя мое, к иностранке, которая оказала нам так много услуг сегодня утром. Не ее вина, если успех превзошел ее доброе желание. Скажи ей, что барон де-Кервер благодарит ее за помощь и просит пожаловать на свадьбу его сына Ивона.

Придя в золотой дом, где Финетта горько оплакивала своего жениха, паж преклонил колени и от имени барона просил иностранку последовать за ним и удостоить честь присутствовать на свадьбе рыцаря Ивона.

— Кланяйся от меня своему господину, — гордо отвечала молодая девушка, — и скажи ему, что, если он слишком важный господин, чтобы прийти ко мне, то и я слишком знатна, чтобы самой идти к нему.

Когда паж передал ответ иностранки, господин де-Кервер ударил по столу кулаком так, что три блюда взлетели на воздух.

— Клянусь небом! — воскликнул он. — Именно так подобает отвечать даме, и я тут же признаю себя побежденным. Оседлайте моего коня! Оруженосцы и пажи, будьте готовы следовать за мною!

В сопровождении блестящей свиты барон подъехал к дверям золотого дома и сошел с коня. Он извинился перед Финеттой, предложил ей руку, подал стремя и посадил ее на коня сзади себя, как настоящую герцогиню. Дорогой он из деликатности не разговаривал с ней и, приехав в замок с непокрытой головой, подвел её к оставленному для нее месту почетной гостьи.

Отъезд барона Кервера наделал много шума, возвращение же поразило еще больше. Все спрашивали: кто эта дама, к которой с таким почтением относится гор-

дый барон? Судя по костюму, она была иностранкой. Не герцогиня ли нормандская или королева французская? За разъяснениями обратились к дворецкому, судье и сенешалю. Дворецкий дрожал, судья бледнел, сенешаль краснел, и все трое были немые, как рыбы. Молчание этих важных особ еще более увеличивало всеобщее удивление.

Все взоры были устремлены на Финетту, а между тем на душе у нее была смертельная тоска. Ивон смотрел на нее и не узнавал. Он бросил в её сторону равнодушный взгляд и снова продолжал нежный разговор с надменно улыбавшейся белокурой дамой.

В отчаянии Финетта вынула из кошелька золотой шарик, последнюю свою надежду. Продолжая разговаривать с бароном, который был очарован ее умом, она повертела в руке шарик и прошептала:

— Сокровище мое, шарик золотой,
Помоги мне, мой дорогой.

И вдруг шарик стал расти, расти и превратился в золотой кубок чудесной работы, такой красивый, какого никогда еще не приходилось видеть у себя на столе не только барону, но даже и самому королю.

Финетта сама налила в кубок ароматного меда и, подозвав смущенного и прятавшегося сенешаля, сказала ласковым голосом:

— Любезный сенешаль, прошу вас поднести этот кубок рыцарю Ивону, я хочу выпить за его счастье, он не откажется принять мой тост.

Ивон небрежно взял кубок, поднесенный ему сенешалем на подносе из золота и эмали, кивнул иностранке, выпил мед и, поставив перед собой кубок, снова обратился к занимавшей все его мысли белокурой даме. Дама казалась встревоженной и рассерженной, но рыцарь шепнул ей несколько слов, от которых она пришла в восторг, глаза ее заблестели и рука снова опустилась на плечо Ивона.

Финетта опустила голову и заплакала. Все было потеряно.

— Дети! — воскликнул громким голосом барон. — Наполняйте свои кубки! Выпьем все за любезность и красоту знатной иностранки, удостоившей нас своим присутствием. За владелицу золотого дома!

Все начали кричать и пить. Ивон ограничился только тем, что поднял кубок на уровень глаз. Но вдруг он задрожал и замер с неподвижным взглядом, точно ему представилось видение.

И, действительно, то было видение. В кубке, как в зеркале, увидел Ивон все свои приключения. Великан его преследует, Финетта увлекает за собой, он садится вместе с ней на корабль, который спасает их обоих, они сходят на берег Бретани. Он оставляет ее, но только на минуту, она плачет при расставании. Где же она? Рядом с ним, конечно. Кто же другой, кроме Финетты, мог сидеть рядом с Ивоном?

Он наклонился к белокурой даме и вскрикнул, как будто наступил на змею, затем, шатаясь, как пьяный, встал и угрюмо посмотрел вокруг, но, увидев Финетту, всплеснул дрожащими руками, бросился к ней и, упав на колени, воскликнул прерывающимся от рыданий голосом:

— Финетта, Финетта, простишь ли ты меня?

Нет выше счастья, чем прощать. В тот же день Финетта сидела рядом с Ивоном и, бог знает, что поверяли они друг другу, смеясь и плача одновременно.

А что же случилось с белокурой дамой? Не знаю. При вскрике Ивона она исчезла. Молва утверждает, что из замка выскочила отвратительного вида старуха, преследуемая собаками. Все Керверы сходились во мнении, что белокурая дама была не кто иная, как колдунья, крестная мать великана. Во всяком случае, этот факт не настолько выяснен, чтоб я мог поручиться за его достоверность. Всегда благоразумнее думать, не имея даже доказательств, что любая женщина — колдунья, но никогда нельзя этого утверждать. Не погрешив против истины, я могу только сказать, что прерванный на минуту пир возобновился и

нисколько не потерял ни в продолжительности, ни в весельи.

На следующий день рано утром направились в домовую церковь, и, к своей большой радости, Ивон обвенчался с Финеттой, которая не боялась больше никаких бед. Затем пили, ели и танцевали в течение целых тридцати шести часов и никто не думал об отдыхе. У дворецкого немного отяжелели руки, судья потирал себе временами спину, сенешаль чувствовал некоторое утомление в ногах, и у всех трех на совести лежала какая-то тяжесть, от которой им хотелось освободиться, поэтому они кружились, как молодые люди, до тех пор, пока не свалились с ног и их не унесли. Финетта не думала об ином мщении. Ее единственным желанием было видеть счастливыми вокруг себя всех, кто имел какое-нибудь отношение к знатному роду Керверов. Поэтому память о ней до сих пор живет в Бретани. Каждый встречный охотно покажет вам в развалинах замка статую доброй госпожи с пятью маленькими шариками в руке.

